

УДК 316.4.06:379.85

Конструкционистский подход к изучению рисков в сфере туризма**Бурганова Л.А.**

Доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Исхакова Э.И.

Аспирант кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

В статье рассматриваются основные особенности конструкционистского подхода к изучению рисков и выделяется специфика данного подхода применительно к рискам в сфере туризма.

Ключевые слова: туризм, риски, социальный конструкционизм, конструкционистский подход к исследованию рисков, риски в сфере туризма.

В социальных исследованиях проблем риска в целом и риска в сфере туризма в частности к настоящему времени используется множество различных подходов к пониманию сущности риска и выявлению его особенностей [1]. На наш взгляд, наиболее адекватным методологическим инструментом изучения рисков современного туризма, учитывающим его амбивалентную постмодернистскую природу (стремление к новизне и приключениям, одновременно к безопасности), является конструкционистский подход.

Идея о том, что риски являются культурно-обусловленными конструктами, была впервые концептуализирована в работе М. Дуглас и А. Вилдавски «Risk and Culture» [2], хотя эта идея восходит к более раннему антропологическому исследованию М. Дуглас, посвященному функциям табу у примитивных народов и функциональной взаимосвязи между опасностью и возложением вины за нее [3]. С точки зрения конструкционистского подхода, риски являются социальными конструктами, которые возникают и воспроизводятся благодаря социальным институтам и отдельным индивидам, под которыми подразумеваются не только лидеры общественного

мнения [4, р. 3]. Одной из особенностей конструкционистского подхода, как отмечает Дж. Зинн, является отказ от признания привилегированного эпистемологического статуса экспертного знания о рисках по сравнению с обыденным знанием (знанием неспециалистов). Основываясь на результатах исследований Б. Уинна [5; 6] и К. Даффа [7], он приходит к выводу, что экспертное знание о рисках содержит элементы обыденного знания, а обыденное знание – элементы экспертного знания. Кроме того, ученый обращает внимание на то, что экспертное / научное знание зачастую не учитывает контекстуальные и географические реалии, а игнорирование обыденных стратегий управления рисками может привести к снижению эффективности мер по предотвращению рисков [8, р. 5-6].

В рамках конструкционистского подхода можно выделить направление, ориентированное на выявление взаимосвязи между рисками и современными массовыми коммуникациями. Изначально тон в рамках данного направления задавали две конкурирующие точки зрения. Первая из них обвиняла СМИ в несбалансированном освещении проблематики рисков, преувеличении различных угроз, связанных

с ними, и сенсационализации этой темы. Сторонники подобных воззрений опираются, в частности, на концепт социальной амплификации рисков, который описывает изменения в процессе восприятия опасностей при соприкосновении последних с психологическими, социальными, институциональными или культурными процессами [9]. Исследования, выполненные в данном ключе, связаны с демонстрацией избирательности СМИ в отношении рисков. Показательна, например, работа Э. Сингер и Ф. Эндриени, в которой авторы на основе обширного эмпирического материала приходят к выводу о том, что СМИ обращаются к проблеме рисков лишь после того, как происходят какие-либо драматические события. Склонность масс-медиа к освещению сенсаций приводит к чрезмерной акцентации драматизма событий (в частности, фиксации значительного числа жертв трагедии) и игнорированию фактов о других жертвах, гораздо более массовых и зафиксированных на более длительных отрезках времени [10]. По мнению исследователей, работающих в рамках данного направления, избирательность СМИ может быть связана и с их сервильностью по отношению к влиятельным стратам социума (этот тезис, в частности, развивается в марксистской модели медийной пропаганды Э. Хермана и Н. Хомски [11]). Когда речь идет об освещении техногенных рисков (например, проблемы изменения климата на планете), свою роль может сыграть и неумение журналистов рассказывать о рисках на доступном для аудитории языке, без излишней наукообразности, чрезмерной абстрактности или банальных неточностей, вызванных плохим знанием обсуждаемого предмета [12].

Для второго подхода характерны линейные представления о сущности эффектов масс-медиа, склонность к трактовке проблематики рисков в СМИ как нейтрального и объективного процесса (как с точки зрения освещения рисков, так и с точки зрения их восприятия). Утверждается, что СМИ стремятся к объективному освещению событий, связанных с рисками, однако вследствие специфики масс-медиа как социального института, возникают неизбежные «побочные эффекты». Такова, в частности, позиция Р. Сталлингса, утверждающего, что изначальное преподнесение медийной информации, связанной с риском, задает определенную рамку (паттерн) освещения того или иного события, которая может оказывать влияние и на последующие трактовки фактов в СМИ. Паттерн конструируется самими журналистами, однако следует учитывать большую роль в этом избранных экспертов / должностных лиц, разъясняющих проблемы, связанные с рисками. Сталлингс резюмирует, что сама логика функционирования СМИ, их ориентация на оперативное освещение событий определяет высокую вероятность присутствия в новостных материалах официальной точки зрения — мнения представителей конкретных

органов государственной власти. Появление в СМИ альтернативных взглядов на те или иные риски зависит от того, насколько их сторонники обладают возможностью во всеуслышание заявить о себе [13].

Исследование Дж. У. Спенсера и Э. Триш также фокусируется на роли СМИ в выборе тех паттернов, с помощью которых осуществляется интерпретация тех или иных угроз окружающего мира. Ученые выявили склонность масс-медиа к использованию наиболее простых объяснений для ситуаций риска, стремление избегать каузальной атрибуции, связанной с социальными и технологическими факторами (например, при освещении проблемы затопления территорий СМИ не связывают ее с глобальным потеплением в результате повышения выбросов углекислого газа в атмосферу) [14].

Другой «побочный эффект» связывается исследователями с особенностями восприятия рисков аудиторией. Так, А. Мазур, осуществив анализ медийного освещения рисков ядерной энергетики, пришел к парадоксальным выводам: во-первых, беспокойство по поводу различных технологических рисков прямо пропорционально частоте любых (pro et contra) публикаций по теме; во-вторых, конкурирующие экспертные оценки, представленные в СМИ как объективные, порождают у аудитории недоверие к экспертам и стремление подстраховаться, выбрав, по ее мнению, меньший риск (например, люди предпочтут, «на всякий случай», выступить против развития ядерной энергетики) [15]. Есть у сторонников данного подхода и эмпирические подтверждения объективности СМИ при освещении рисков, например, масштабное исследование У. Фрейденбурга с коллегами [16].

Впоследствии исследователи начали отходить от противопоставления указанных подходов, поскольку дальнейшая разработка темы освещения / коммуникации рисков в СМИ выявила слабые места обеих позиций. В частности, был поставлен под сомнение тезис о всесильности СМИ в формировании повестки дня относительно рисков. Как отмечает А. Уилкинсон, большинство современных исследователей склонны полагать, что связь между содержанием медиа-сообщений и формированием установок медийной аудитории не является линейной, а носит более комплексный и неоднозначный характер [17, р. 13-14]. Например, исследование П. Диккенса доказало, что медийное освещение рисков, связанных с окружающей средой (например, глобальным потеплением), с одной стороны, делает население более информированным о существующих опасностях; с другой стороны, осведомленные о рисках люди в меньшей степени склонны считать, что эти риски касаются их лично [18, р. 5-12].

Тезис о стремлении СМИ к объективному освещению имеющихся рисков был опровергнут контрдоводом о том, что объективной истины относи-

тельно рисков не существует. Как пишет Дж. Адамс, одним из оснований конструкционистского подхода к рискам является понимание того, что не существует объективных фактов, связанных с рисками: «долго длящиеся разногласия относительно рисков являются таковыми именно потому, что наука их так и не смогла (и, скорее всего, не сможет) разрешить», ведь полностью решить проблему неопределенности как источника риска в принципе невозможно [19, р. 194]. Следовательно, при всем желании СМИ не могут освещать проблему рисков объективно.

Кроме того, в последние 10-15 лет аудитория СМИ перестала восприниматься в качестве пассивного реципиента информации, и ее стратегиям интерпретации медийных сообщений и реакции на них начали уделять гораздо больше внимания [8, р. 15]. Была сформулирована точка зрения, что СМИ можно воспринимать лишь как один из значимых факторов конструирования представлений о рисках, поскольку, как отмечает Дж. Туллох, представления о рисках формируются благодаря совокупности медийных дискурсов, собственного опыта индивида, его личных убеждений и суждений и пр. [20, р. 197].

В общем и целом современный этап исследований в данной сфере характеризуется большей относительностью результатов, которые зачастую не позволяют сделать теоретические обобщения, верные для разных условий. Поэтому тему медийного освещения и восприятия рисков следует изучать «параллельно с анализом соответствующего социополитического контекста и этнографического анализа индивидуальной включенности в социокультурный контекст и биографический опыт» [8, р. 16].

С другой стороны, вышесказанное не означает, что в сфере медиа-исследований, связанных с риском, нет никаких результатов, которые носили бы универсальный характер. Как отмечает Дж. Китзингер, на основе анализа множества исследований и с некоторой долей условности можно выделить наиболее типичные и повторяющиеся особенности освещения рисков в СМИ. Вот некоторые из них:

– СМИ стремятся освещать риски с одномоментно большим числом жертв и имеющих необычную природу (например, «мужчина укусил собаку»);

– большую вероятность попадания в СМИ имеют рассказы о рисках, в которых фигурируют реальные жертвы и истории от первого лица;

– при освещении рисков масс-медиа придают больше внимания событию, а не проблеме (описанию голода, но не причин, которые к нему привели);

– долгоиграющие риски (например, ухудшение качества окружающей среды) менее вероятно привлекают внимание журналистов, поскольку для них важнее «актуальные новости дня»;

– информация о рисках с опасными последствиями имеет больше шансов попасть в СМИ, нежели информация о том, что те или иные риски в опре-

деленной ситуации отсутствуют («наличие плохих новостей является хорошей новостью»);

– СМИ зачастую рассматривают риски через призму бюрократических процедур или регулирующих нормативов, в результате чего на первый план выходят одни вопросы, а не другие (например, задается вопрос: «Прошел ли проект строительства новой электростанции все необходимые согласования?» вместо вопроса: «Могло ли энергосбережение предотвратить необходимость строительства новой электростанции?»);

– большую роль в попадании в СМИ тем, связанных с рисками, играют не «статистические характеристики» риска, а наличие конфликта и указание на виновного субъекта;

– освещение проблематики рисков в СМИ зависит от предпочтений самих журналистов и их аудитории, а также особенностей редакционной политики, экономических интересов издания и т.д.;

– появление темы рисков в СМИ подчиняется логике производства новостей, поэтому освещение подобных тем имеет тенденцию изменяться в течение времени (та или иная тема может «устареть» как новость, даже несмотря на то, что сами риски никуда не исчезают), а наличие специфических изданий, тематических рубрик или телепрограмм может повысить вероятность освещения определенных видов риска (рассказ о рисках окружающей среды в телепрограмме или газетной рубрике, посвященной экологии) [21, р. 62-66].

Следует подчеркнуть, что конструкционистский подход не постулирует мнимость рисков, хотя подобное впечатление складывается из самого названия этого подхода. Осознавая это, теоретики указанного направления даже предлагали ввести в оборот альтернативные термины и названия, подчеркивающие учет конструкционизмом объективной реальности. Например, по мнению М. Дуглас, поскольку все знание, равно как язык, на котором общаются люди, является социальным конструктом, следует заменить термин «конструкт» (construct) понятием «толкование» (construal) [22, р. 123]. Другой исследователь – Б. Уинн, выступая против дихотомии «реализм – антиреализм», игнорирующей взаимное, объектно-субъектное конструирование социальных объектов, – предложил рассматривать конструирование рисков в рамках «конструктивистского реализма», учитывающего «естественные и социальные реалии-в-процессе-созидания (realities-in-the-making)» [23, р. 461-462].

Отдельного упоминания в рамках конструкционистского подхода заслуживает теоретические наслідие М. Фуко, которое дало толчок целому направлению в исследованиях риска. В частности, фукодианская концепция говернментализма (государственного управления) является одним из примеров тех идей французского социолога, которые

были использованы в рискологических исследованиях [24]. Поскольку сам Фуко не рассматривал риски как таковые, его идеи, касающиеся государственного управления, а также изучаемая им проблематика дискурсов, дисциплинарной власти и контроля, роли интеллектуального / экспертного знания в управлении, нормализации и пр., были использованы для анализа рисков другими исследователями [25, р. 88-89]. Как пишет Дж. Зинн, исследования риска, которые осуществляются в рамках концепции говернментализма, можно разделить на пять условных категорий:

– исследования проблематики управления рисками в организациях и изменений в управленческих стратегиях;

– исследования общих дискурсов и их влияния на определение социальных групп (в частности, детей и молодежи) в качестве «групп риска» и их проблематизацию;

исследования, связанные с контр-дискурсами представителей проблематизируемых «групп риска», направленных на деконструирование определения собственной социальной группы в качестве «группы риска»;

– исследования, посвященные институциональным, правительственным и дискурсивным механизмам управления рисками;

– исследования, рассматривающие риск в качестве мета-нарратива изменений институциональной политики, благодаря которому осуществляется смещение акцентов с коллективистских ценностей на ценности индивидуального выбора и ответственности, т.е. избегание рисков превращается в зону личной ответственности каждого [8, р. 12-13].

Применительно к сфере туризма конструкционистский подход, в соответствии с общей логикой постмодерна, во-первых, смещает акценты в сторону амбивалентности, нечеткости и изменчивости, в т.ч. в процесс принятий решений туристами. Во-вторых, акцент делается на изменяющихся символических границах «зоны риска» и «допустимого поведения» (практики риска во время отдыха воздействуют на жизнь индивидов и по возвращении домой), а также на влиянии туристических дискурсов / нарративов, связанных с риском, на собственные идентичности туристов и идентичности тех, кто слушает их рассказы [26, р. 281].

В-третьих, особое внимание уделяется тому, как конструируется образ туриста, с одной стороны, как субъекта в ситуациях риска, а с другой – как источника риска. В последнем случае, в частности, речь идет о формировании негативных стереотипов относительно поведения туристов из определенных стран, которые в конечном счете оказывают влияние на весь туристический поток из определенной страны (предвзятость со стороны местного населения может влиять на политические решения, которые в

свою очередь могут привести к ужесточению визовой политики и т.д.) [26, р. 282].

Наконец, в-четвертых, увеличивается интерес к исследованию рисков туризма через призму изучения Интернет-сегмента, поскольку пространство глобальной сети начинает все больше и больше конкурировать с «традиционными медиа» с точки зрения конструирования «нормативных» представлений о туризме, поведении туриста, рисках туристической поездки и их избегания [26, р. 282].

Таким образом, в данной статье мы охарактеризовали основные особенности и направления в рамках конструкционистского подхода к исследованию рисков, а также отметили специфику данного подхода применительно к рискам в сфере туризма.

Литература:

1. Бурганова Л.А., Исхакова Э.И. Методологические основы исследования рисков в сфере международного туризма // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1. – С. 245-249.
2. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture. – Berkeley: University of California Press, 1982.
3. Douglas M. Purity and Danger. – London: Routledge, 1969.
4. Katz E., Lazarsfeld P.F. Personal Influence; the Part Played by People in the Flow of Mass Communications. – Glencoe, IL: Free Press, 1955.
5. Wynne B. Frameworks of rationality in risk management: towards the testing of naïve sociology // Environmental Threats: Perception, Analysis and Management / J. Brown (Ed.). – London: Belhaven Press, 1989. – P. 33-47.
6. Wynne B. May the sheep safely graze? A reflexive view of the expert-lay knowledge divide // Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology / S. Lash, B. Szerszinski, B. Wynne (Eds.). – London: Sage, 1996. – P. 44-83.
7. Duff C. The importance of culture and context: rethinking risk and risk management in young drug using populations // Health, Risk and Society. – 2003. – Vol.5. – № 3. – P. 285-299.
8. Zinn J.O. Literature Review: Sociology and Risk. – Canterbury: University of Kent at Canterbury, 2004.
9. Kasperson R.E. The Social Amplification of Risk: A Conceptual Framework /R.E. Kasperson [et al.] // Risk Analysis. – 1988. – Vol.8. – P. 177-187.
10. Singer E., Endreny P.M. Reporting on Risk: How the Mass Media Portray Accidents, Diseases, Disasters and Other Hazards. – New York: Russell Sage Foundation, 1993.

11. Herman E., Chomsky N. The Manufacture of Consent: The Political Economy of the Mass Media. – New York: Parthenon Books, 1988.
12. Wilson K.M. Communicating climate change through the media. Predictions, politics and perceptions of risk // Environmental Risks and the Media / S. Allan, B. Adam, C. Carter. – London: Routledge, 2000. – P. 201-217.
13. Stallings R.A. Media Discourse and the Social Construction of Risk // Social Problems. – 1990. – Vol.37. – №1. – P. 80-95.
14. Spencer W.J., Triche J. Media Construction of Risk and Safety: Differential Framings of Hazard Events // Sociological Inquiry. – 1994. – Vol.64. – №2. – P. 199-213.
15. Mazur A. Media Influences on Public Attitudes Toward Nuclear Power // Public Reactions to Nuclear Power: Are There Critical Masses? / W.R. Freudenburg, E.A. Rosa (Eds.). – Boulder: Westview, 1984. – P. 97-114.
16. Freudenburg W., Coleme C.L., Gonzale J., Helgeland C. Media coverage of hazard events: analyzing assumptions // Risk Analysis. – 1996. – Vol.16. – №1. – P. 31-42.
17. Wilkinson I. Social Theories of Risk Perception: At Once Indispensable and Insufficient // Current Sociology. – 2001. – Vol.49. – №1. – P. 1-22.
18. Dickens P. Who Would Know? Science, Environmental Risk and the construction of Theory: working paper № 86 / Centre for Urban and Regional Research. – Brighton: University of Sussex, 1992.
19. Adams J. Risk. – London: Routledge, 1995.
20. Tulloch J. Landscapes of fear' Public places, fear of crime and the media // Environmental Risks and the Media / S. Allan, B. Adam, C. Carter. – London: Routledge, 2000. – P. 184-197.
21. Kitzinger J. Researching risk and the media // Health, Risk and Society. – 1999. – Vol.1. – № 1. – P. 55-69.
22. Douglas M. The depoliticisation of risk // Culture Matters: Essays in Honor of Aaron Wildavsky / R.J. Ellis, M. Thompson (Eds.). – Boulder: Westview Press, 1997. – P. 121-132.
23. Wynne B. Risk and Environment as Legitimatory Discourses of Technology: Reflexivity Inside Out? // Current Sociology. – 2002. – Vol.50. – P. 459-477.
24. Фуко М. Искусство государственного управления // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2 / Пер. с франц. И. Окуневой; под общей ред. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – С. 183-211.
25. Lupton D. Risk. – London: Routledge, 1999.
26. Williams A.M., Baláž V. Tourism Risk and Uncertainty: Theoretical Reflections // Journal of Travel Research. – 2015. – Vol. 54. – №3. – P. 271-287.

Methodological background of tourism risk research

L.A. Bourganova, E.I. Iskhakova
Kazan National Research Technological University

The article deals with main features of constructionist approach to the risk research and specifies its peculiarities with respect to sphere of tourism.

Keywords: social constructionist approach, constructionist approach to risk research, risks in the field of tourism.

